

© 2010 г. А.Д. Похилько, Ф.И. Семендяев

КРИЗИС ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ

Методология анализа концептов духовной культуры рассмотрена в аспекте идеи полной автономии сознания. Возможность диалога богословия и светского гуманизма по проблеме этико-эстетического содержания культуры заключается в том, что кризис современной культуры размывает грань между относительным и абсолютным, светским и религиозным. В современной культуре все превращается в игру, и это скрывает или вытесняет абсолютное содержание морали. Относительная этико-эстетическая рефлексия выражает процесс самораскрытия абсолютного момента культуры в ее нравственной форме. Становление личностной автономии имеет своим началом сознательный выбор нравственных ценностей

Ключевые слова: идентичность, личностная идентичность, православная культура, автономия сознания, нравственные ценности, этические концепты, релятивизм.

Рассмотрим методологические аспекты выявления аксиологически абсолютного в условиях релятивизации этических и эстетических ценностей, попытаемся выявить динамическую сущность этико-эстетических концептов и показать единство абсолютного и относительного в ценностях религиозной культуры применительно к дальнейшему исследованию православия. Суть предлагаемого подхода заключается в том, что в аспекте применяемой методологии этико-эстетические концепты культуры интерпретируются в контексте автономии религиозного сознания. Она (автономия) имеет своим собственным основанием традиционный тип деятельности. Религиозная автономия высоко духовна и гуманна. Духовность – процесс, а не только результат. Это процесс переработки собственно субъективной реальности, плана человеческого отношения к миру. В этом и состоит ценность религиозного сознания. С моральной и эстетической формой автономии сознания может быть связано понятие подлинной духовной автономии сознания. Проблема поиска оснований авто-

номии сознания получает адекватную форму постановки на материале исследования автономии нравственного и религиозного сознания [1].

Если для правового сознания требуется отыскивать духовные основания, неразрывно связанные с угрозами силы, то мораль самообоснована. Язык нравственного сознания раскрывает постепенно потаенные смыслы чистого сознания и его моделей: вера и доверие, любовь и благодарность, надежда и другие. Как отмечает в своих работах А.А. Гусейнов [2], мораль призвана обеспечить самостоятельность человека по отношению к его собственным влечениям, спонтанным реакциям и внешнему групповому и общественному давлению. Она оформляет произвол, организует и преобразует его в свободу. Не свобода, а возможность произвольности является условием морали. Свобода – условие морали лишь в том смысле, что вне рамок свободы нет смысла размышлять о морали. Но свобода – это выражение морали, поскольку свобода – это всегда свобода в морали. Соответственно по своей сути мораль обращена лишь к тем, кто считает себя свободным. Моральные феномены означают способность человека руководствоваться идеальной мотивацией. Аргументы, теряющие качество «чистоты», выпадают из сферы морали. Свойство неутилитарности тавтологично: чтобы стремиться к добру, нужно уже быть добрым. Главный признак морали – самодетерминация, свобода, *causa sui* [3]. В поиски морального абсолюта Кант принципиально разделяет должное и сущее [4]. Речь у идет об общезначимых, общих и необходимых законах, которые могут быть только формальными. Нравственный закон автономии воли безусловен и приобретает вид категорического императива. В понятии автономии у Канта неразрывно связаны закон и свобода. Кант выдвигает формулу соотношения свободы и закономерности, которая остается актуальной и в наши дни: свобода каждого должна быть ограничена постольку, поскольку она может затрагивать свободу другого человека [5].

Феноменологическая приостановка динамики понятий добра и зла в культуре у Ф. Ницше позволила ему утверждать, что моральные предрассудки вредны на пути развития новой культуры [6]. В генеалогии морали обращает на себя внимание понятие «ресентимент» [7]. Ресентимент характеризуется Ницше как психологическое самоотравление ввиду его бессилия и стремления к равенству с неравными [8]. Ненависть к определенному лицу стремится к автономии и теряет связь с объектом, становясь чистой распред-

меченной энергией агрессии [9]. Ответим на основной вопрос Ницше: «Какие указания дает языкознание, в особенности этимологическое исследование по части истории развития моральных понятий?» [9]. Враг, чужой и гость не абсолютно противоположны. «Рожденный вне» – это враг, и необходимо взаимное обязательство для того, чтобы между ним и моим «Я» установились особые отношения гостеприимства, которые немыслимы внутри общины. Враг может стать другом в силу соглашения [6]. И особого внимания требует вывод Э. Бенвениста: «Под защитой торжественных соглашений при условии взаимности могут родиться истинно человеческие отношения» [10]. Абсолютное в морали должно быть «оправдано». Сильный аргумент в пользу существования морального абсолюта дает А. Швейцер [10]. Его этика благоговения перед жизнью не признает относительной морали. Она признает добрым только то, что служит сохранению жизни. Что означает релятивизация духовных ценностей в современной и, в частности, российской культуре? Это кризисное обесценивание, смысловая инфляция. П.А. Сорокин [11] объективно констатировал, что «все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис» [12]. «... Настоящий кризис носит не обычный, а экстраординарный характер. ... Это кризис искусства и науки, философии и религии, права и морали, образа жизни и нравов» [12]. Например, искусство «безнравственно, антирелигиозно и анти-социально» [12]. А. Моль, О.Тоффлер и другие исследователи культуры отмечают релятивизацию искусства, ускорение социальных перемен, которые вызывают у людей своеобразный шок [12]. «Мозаичная культура» (А.Моль) делает человека пассивным объектом манипулирования, поскольку его мировосприятие становится иррациональным [13].

Религия позволяет стабилизировать процесс распада духовных ценностей, освятить нравственные основы жизни общества. Например, понятие гордыни может показаться устаревшим и вообще не заслуживающим внимания. Но это не совсем так, поскольку гордыня подчеркивает внутреннее противоречие гордости, оттеняет ее негативное содержание. И в этом смысле диалог с богословами актуален и полезен. Гордость – очень высокая самооценка [14]. «Повседневное моральное сознание и естественный язык сохраняют различные историко-культурные акценты, связанные с гордостью, широко используя наряду с этим амбивалентным понятием, чаще всего имеющим,

однако, позитивный смысл, также понятие гордыни, несущее исключительно негативную моральную нагрузку» [15]. Почему же гордыня получает такую резко отрицательную оценку? Оказывается, в нравственности действует диалектика рабства и господства в борьбе самосознаний, о которой вел речь Гегель в своей знаменитой «Феноменологии духа». «Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» [15]. С точки зрения богословов любая добродетель обесценивается, когда в нее проникает гордыня [16]. Иудеи укоряли Иисуса за то, что он друг мытарей и грешников, ест и пьет с ними [17]. Комментарий богослова таковы [18]. Фарисей – это гордый человек, а мытарь – смиренный. Богословы призывают нас применить эту притчу к себе [19]. И не случайно опять после притчи идет повторение диалектической формулы: «Всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» [19]. Это напоминает коан в дзэн-буддизме.

Интересна постановка вопроса о гордыне в феноменологии религии. Д. Гильдебранд выделяет две основные формы гордыни: явную, сатанинскую и скрытую, человеческую [20]. Первый вид гордыни мы видим у Люцифера, вознамерившегося стать равным Богу. Она рождает ненависть ко всему истинно ценному и есть чистое зло, которое концентрирует в себе зависть к власти и богатству. Соблазном власти сатана безуспешно пытался искушать Иисус после сорокадневного поста в пустыне [21]. Гордыня «являет собой полную противоположность любви, открытости и доступности всего сущего – тому, что свойственно любви, - а также ее светлой гармонии и той ее особой стороне, что именуется добром» [22]. Мягкая, скрытая форма гордыни состоит в том, что у некоторых людей отсутствует подлинное смирение. «Я не раб Божий», – вот кредо таких людей, которые не принимают личностного Бога. «До тех пор пока не состоялась встреча двух личностей – конечной и бесконечной, пока мы исходим из атеистического или пантеистического мирозерцания – до тех пор мы не способны в полной мере осознать собственную тварность» [21]. В православии гордыня резко осуждается. «Гордые люди всегда являются насильниками других» [21]. с этой точки зрения, гордыня, отдаст человека в руки падших ангелов (демонов). «Гордый – это человек, отравленный ядом» [22]. Духовный отец, который поощряет или не искореняет у своих духовных детей чувство надменности, гордости, превозношения, тщеславия в любых формах, похож, с точки зрения богословов, на

отравителя колодцев. Льстить человеку значит отравлять его ядом лести. Святой Иоанн Лествичник пишет, что в час смерти многие будут проклинать своих духовных отцов за то, что они не были строги к ним. Истинная любовь выражается не в похвалах, а в желании, чтобы все спаслись [22]. В диалоге с богословами мы можем лучше уяснить суть дела. Очевидно, религия делает акцент на персонцентризм и теномию, требуя уважения к абсолютным ценностям. Смирение выступает источником добродетели и правосознания, признающего всех равными в их ничтожестве перед Богом. Правда, возникает вопрос: не порождает ли полное смирение, чувство собственного ничтожества, депрессию и всевозможные комплексы неполноценности у «маленького человека»? Психологи говорят о том, что нельзя слишком занижать самооценку, что, кстати, характерно для русского этноса. «Психологические исследования зафиксировали у наших соотечественников сниженные показатели по уровню самоуверенности по сравнению с представителями других этнических групп. Уступаем мы другим национальностям (в частности американцам) и по такому связанному с чувством уверенности психическому параметру, как «упругость эго» (способность восстанавливать ровное и хорошее расположение духа), «зато» превосходим их по фактору депрессии» [22]. Итак, понятие «гордыня» сейчас кажется устаревшим именно в силу своей абсолютности, категоричности. Но оно является ценностью в сокровищнице моральной философии.

Постановка вопроса о специфике русского национального религиозного сознания является несомненной заслугой В.В. Кожина, свидетельствующей об оригинальных идеях этого мыслителя в области философско-исторического знания. Особый интерес вызывают его статьи «К спорам о «русском национальном сознании»», «О главном в наследии славянофилов», «Недостаток или своеобразие?», «Российская цивилизация: специфика и проблемы» и некоторые другие, в которых была дана аргументированная критика утверждений о том, что русские идеи заимствованы с Запада, что русская философия не оригинальна, что русское национальное самосознание не самобытно [23]. Эта специфика выразилась в концепте «соборность». Итак, методология анализа концептов духовной культуры рассмотрена в аспекте идеи полной автономии сознания, т.е. процесса взаимного превращения абсолютного и относительного в духовной жизни человека и общества, процесса, который

включает в себя культуру и человека как ее субъекта в механизмы взаимосвязи сознания и бытия. Возможность диалога богословия и светского гуманизма по проблеме этико-эстетического содержания культуры заключается в том, что кризис современной культуры размывает грань между относительным и абсолютным, светским и религиозным. В современной культуре все превращается в игру, и это скрывает или вытесняет абсолютное содержание морали. Относительная этико-эстетическая рефлексия выражает процесс самораскрытия абсолютного момента культуры в ее нравственной форме. Становление личностной автономии имеет своим началом сознательный выбор нравственных ценностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Заевский Д.А., Похилько А.Д.* Автономия религиозного сознания. Армавир, 2004.
2. *Гусейнов А.А.* Об идее абсолютной морали // Вопросы философии, 2003. № 3.
3. *Мамардашвили М.К.* Как я понимаю философию... М., 1990.
4. *Кант И.* Критика практического разума. Т.4. Ч.1. М., 1965.
5. *Адорно Т.В.* Проблемы философии морали. М., 2000.
6. *Ницше Ф.* По ту сторону добра и зла // Вопросы философии, 1989. № 5.
7. *Шелер М.* Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999.
8. *Свасьян К.А.* Примечания // Ницше Ф. М., 1990. Т. 2.
9. *Ницше Ф.* Сочинения. М., 1990. Т. 2.
10. *Бенвенист Э.* Словарь индоевропейских терминов. М., 1995.
11. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992.
12. *Сорокин П.А.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
13. *Тоффлер О.* Шок будущего. М., 1996.
14. *Моль А.* Социодинамика культуры. М., 1973.
15. *Этика: Энциклопедический словарь.* М., 2001.
16. *Гильдебранд Д.* Сущность христианства. СПб, 1997.
17. Библия. Лука, 14: 11.
18. Лука 18: 11

19. Лука. 7: 34.
20. *Глядко*в Б.И. Толкование Евангелия. М., 1991.
21. Лука. 18: 14.
22. *Гильдебранд* Д. Сущность христианства. СПб, 1997.
23. Лука. 4: 6-8.
24. *Гильдебранд* Д. Сущность христианства. СПб, 1997.
25. *Архимандрит Рафаил (Карелин)*. Христианство и модернизм. М., 1999.
26. *Андреев* А.Л. Политическая психология. М., 2002.

*Армавирский социально-психологический
институт*

6 августа 2010 г.
